

Иван САВЕЛЬЕВ

К 80-летию поэта

Свет столетья

Рекою памяти

Всё тот же неисчезнувший исток
Живёт, плывёт по памяти, как море, —
Кольшет Время спелый колосок —
Иль волосы мои? — на косогоре.

Не выплакать от радости мне слёз, —
Они, как росы, в полдень не растают, —
Ведь я до памяти моей дорос.
Как до колосьев травы дорастают.

Не надо у небес добра просить, —
Всё — под рукой, очерченное далью.
И памяти, как травы, не скосить
И не убить внезапной печалью.

Туман врачует пологом седым
Мальчишью душу, тая за стогами...
Дымок костра и над трубой дым
Целуют небо тёплыми губами.

Всё это распахнулось наяву,
Спасает душу и ласкает тело, —
Ведь я рекою Памяти плыву,
Которой нет и не было предела.

Свет столетья

По всем путям судьба меня вела,
Летел в стихи полей смоленских ветер...
Для новой книги мало ремесла, —
Для новой книги
Нужен свет столетья.

Нам только кажется, что он похож
На свет времён,
бессмысленно ушедших, —
Коль зрячий ты,
То ты его прочтёшь
В очах, как Ярославны, мудрых женщин.

Но как бы ты себя ни возвышал,
Ты, милый,
ошибаешься глубоко:
Те очи только Пушкин прочитал,
Да Блок ещё,
но нам — твердит эпоха! —
С тобой до них подальше, чем до Бога.

В родных пенатах

О, ссыльный Пушкин! Тяжко одинок
В Михайловском ты мчишься на просторе.
Перед тобой колышется Тригорье,
И время, как трава, лежит у ног.

И озаряют прошлое мечты,
И всё прекрасней хмурый день осенний, —
Там снова та, что в чудное мгновенье
Стихами стала — Гений красоты.

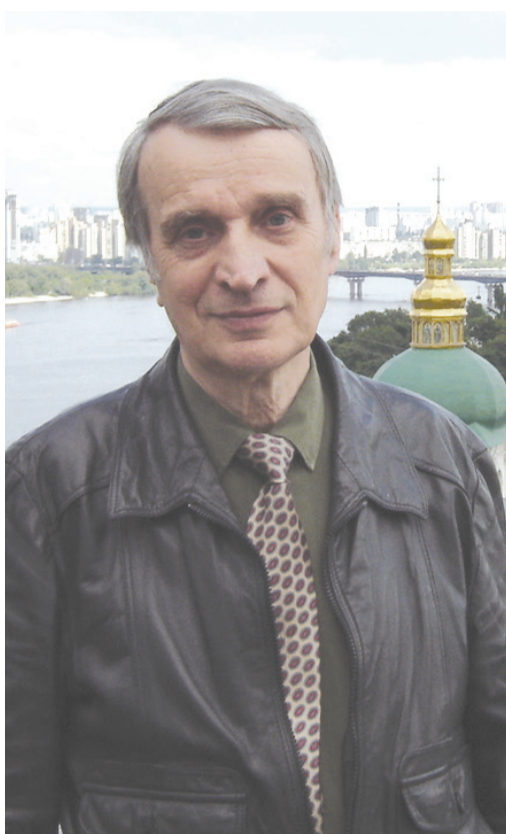
И Сороти захватывает вид —
Всё ближе наплывает берег синий...
И понимает он, великий ссыльный,
Что время ничего не повторит.

Знакомый взгляд. Сияет Красота
Спокойно, независимо и гордо.
И всё-таки она уже не та.
И он не тот — любовь убили годы.

И не его и не её вина
В том, что костёр их чувств не полыхает.
Прасковья Александровна одна
Его как сына к сердцу принимает.

Он дорог ей. И закипает кровь.
А может, это поздняя любовь —
Любовь вдовы уже не первый раз
Слезой исходит из прекрасных глаз...

И греет душу близкий отчий кров.
Копытам конским не страшны ухабы.
На горизонте всходит «Годунов»,
«Цыганы» шумно разбивают табор.

Во все концы — тоска, тоска, тоска...
Скачи, судьба, как этот конь ретивый.
Арины Родионовны рука
Убьёт тоску — и он опять счастливый.

Натали

Из века Пушкина ввали,
Завистники ведут к потомкам
Ложь нескончаемым потоком
О безупречной Натали.

Среди отвергнутых «друзей»
До роковых его мгновений
Тыла и матерью детей,
И ангелом, что знал Тургенев.

И Соллогуб о том сказал
Не одному «большому свету»,
Но и опальному Поэту,
Что в одиночестве страдал.

А анонимы ложь плели,
Ведь Гению врагами были,
И к Чёрной речке подводили,
О чём не знала Натали.

И в роковой, предсмертный миг, —
Ведь смерть стояла в карауле, —
Пролётки разминутись их —
Земные судьбы разминутись.

И что б и как бы ни плели
Из нити слухов сеть «измены», —
Дела их стали прахом, тленом...
Но вечны Пушкин с Натали.

Молитва

Но, обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь,
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.
Сергей Есенин

О, как же век был к Гению суров —
В расцвете сил захлопнул
Жизни двери...
Есенина убили —
Лавренёв
Сказал об этом прямо в «Англетере»
Он видел кровь —
Она стекла с виска

И брызнула на золотые пряди...
Его враги, засевшие в ЧК,
Сбежавшего достали в Ленинграде.

Кричала ненавистная вражда:
«Он — пьяница!» —
Он изнывал в обиде.
Но Либединский пьяным никогда
Сергея Александровича не видел.

Он Музу возносил на пьедестал
И повторял, молитвой день итожа:
«Коль за день я строфы не написал
Приличной — значит, день напрасно
прожил...»

Его бомонд бездарный окружал, —
И, видя их среди леваков и правых, —
Не от горячки в клинику сбежал —
Всё знающий укрылся от расправы.

Он прогонял с души любую блажь
И охранял от водки стих могучий.
Москва... — ж — ...кабацкая» —
Лишь эпатаж:
Мол, я, как все. Не хуже. И не лучше.

Не так ли Пушкин, Маяковский сам,
Служивший новой власти без остатка.
Не изменил извечного порядка,
Судьбою доказав:
он — враг властям.

И чем в стране посредственнее власть,
Тем очевидней: Гению — пропасть.

Он, видя мглу немислимых преград,
Тут было не до славы и успехов! —
Уехал поработать в Ленинград,
А вышло так —
На гибель он уехал.

Предчувствуя. Что мрачно нависал
Меч гибели —
Великих не обманешь! —
Он «До свиданья, друг мой»
Написал
И Эрлиху записку передал —
Лежала непрочитанной в кармане.

Минуты, словно кровь его, текли...
А у порога замерли убийцы.
Что думал он,
когда они вошли?
Увидел ли последним взглядом лица?

Пусть ныне власть убийством не грозит, —
Но нищета страшней, чем динамит.

И каждый миг я в мыслях о Христе.
Я — в нищете,
как будто на кресте.

Но с Ним — пускай измучу я себя! —
Мне не грозит Есенина судьба.

И десять тысяч нынешних творцов
Не очень любят Гениев стихов.

И говорят творцы без вдохновения:
«Не дай Бог дорости в стране
До Гения!..»

И я, как все, впадая в нищету,
Шепчу стократ:
«Спасён! Не дорасту!»
Зато во сне ко мне приходит Блок,
Есенин, смертно раненный в висок.

И не выбрасывает белый флаг
Истерзанный властями Пастернак.

Но, вдохновлённый Гения стихом,
Я буду петь — пока живу! — о нём;

И чтобы Русь не потеряла высь,
Продлю в стихах его земную жизнь.

Поэту

Лети по слову даль осенняя —
И слову весело дышать...
Чтоб стать наследником Есенина,
Ты должен душу Слова знать.

А у него — душа сквозная,
Овеяна ветрами бурь
Коль этой истины не знаешь —
О мыслях призрачных забудь.

Чтоб девушки, чьи очи любви, —
Каких не тронули грехи! —
Поцеловали Слово в губы.
Как их целуют женихи.

* * *

Ужель тоскует по косе трава
И ждёт губящие её покосы?..
Светлеет день,
Осыплются слова
С листвы берёз и упадут на росы.

Иду к колодцу, глядя на восход,
И почему-то жду с тоской осенней,
Как этот день высокий упадёт
Земле на холодящие колени.

Иду по восходящему лучу
Зелёной беззащитной тропею.
Иду, иду — и падают не хочу
А если падать — только пред тобою.

Летят под облаками журавли,
Крыльями перечеёркивая солнце.
Но как упасть — коль ты в такой дали,
Что только луч твоих колен коснётся.

Ехал Шолохов...

Под небесным тоскливым пологом,
Где стада облаков плывут,
По Смоленщине ехал Шолохов:
«Как же грустно они живут...»

Это точно узрел великий,
И у тына, среди малышат,
Видел женщин смоленских лики, —
И теплел его тёплый взгляд.

В горле — ком! Захотел напиться —
И у женщины молодой
Попросил ключевой водицы —
Принесла ему ключевой.

Опускал уже вечер занавес.
Гнал пастух коров от реки...
— Пейте, — молвила, — Александрович,
И избавитесь от тоски.

И над кружкою взгляд тоскующий
Уронил — и глотал, глотал...
Холодок обжигал ликующе,
И казак в глазах оживал.

И не принял годов игру —
Взял эпохи черты живые
И к смоленскому шёл Днепру,
Волны в нём увидал донские.

И слова его шум дубрав
Доносил до донских просторов,
Где Аксинья — как Гришка дорог! —
Шла — скомал её сердце взором! —
Воду чистую расплескав.

И улыбка цвела безвинная,
Ребятишки — со всех сторон.
«Хороша ты, земля старинная,
Жил бы здесь — поджидает Дон».

И казачек он видел в лицах,
Что глядели ему вослед.
«Мне б к Твардовскому объявиться,
Да его там, как видно, нет».